

Приложение № 1: Выдержка из письменного заявления Бертольда Якоба-Соломона, государственный архив города Бремен, судебный архив K-Z, Ганс Веземан, 1936, том 15#714, стр. 11-24, и дополнение без указания страниц.

[Записи сделаны между 17 и 20 сентября 1935 г.]

9 марта

6 или 7 марта я посетил швейцарского консула в Страсбурге и, предъявив ему документы, удостоверяющие мою личность, попросил поставить въездную визу в мой старый паспорт. Консул ответил, что при наличии действующего немецкого паспорта виза не требуется, но поскольку срок действия моего паспорта истек, то ничего нельзя сделать. Возможно, я смог бы пересечь границу, если бы имел французский документ, из которого явственно следует, что я имею разрешение на проживание во Франции и потому имею право туда вернуться. Французский документ, который я предъявил консулу, таких сведений не содержал. После окончания срока действия *carte d'identité (удостоверение личности – прим. переводчика)* в сентябре 1934 г. я получил временный вид на жительство, так называемую *récipissé*, которая была действительна до октября 1934 года. И до, и после истечения указанного срока я тщетно пытался добиться того, чтобы в местном отделении полиции на этом документе поставили отметку о продлении. Мне говорили, что поскольку документ находится у меня на руках, то он действителен. В противном случае, его у меня забрали бы, а новое удостоверение личности мне в скором времени выдадут. Этим все и ограничивалось, хотя я неоднократно настаивал.

Последовав совету швейцарского консула, я обратился в префектуру департамента Нижний Рейн. Там мне обещали помочь. Меня направили в полицейское управление, где комиссар *Освальд* собственноручно поставил на *récipissé* отметку о продлении до 31 марта 1935 года. Одновременно с этим специальный комиссар города Сен-Луи был предупрежден о том, что мне не следует чинить

препятствий при возвращении из Базеля. Однако перед поездкой в Базель я должен был явиться к нему.

В субботу 9 марта я отправился в Сен-Луи поездом, который отбывал в 12, ?? [!]; я взял билет до Сен-Луи и обратно.

По прибытии на место я явился к комиссару и условился, что вернусь еще вечером или даже ночью. Свой багаж, небольшой чемоданчик со спальными принадлежностями, я оставил на вокзале в Сен-Луи.

На вокзале в Сен-Луи я взял одно из ожидавших там такси. На французском пограничном посту шофер покинул свое место и ненадолго зашел с документами в таможенную будку. На швейцарской таможене служащий подошел к автомобилю, и я передал ему свои документы в следующем порядке.

В паспорт, раскрытый на странице с моей фотографией, я вложил *récipissé*, а также свое удостоверение члена Международной федерации журналистов и багажную квитанцию с вокзала Сен-Луи. Служащий спросил меня: «Где Вы проживаете?». Я ответил: «В Страсбурге». «Куда Вы направляетесь?», - продолжил он. «В Базель», - был мой ответ. На вопрос о том, сколько времени я планирую там находиться, я ответил, что поеду обратно этим вечером. После этого он вернул мне документы и произвел тщательный обыск автомобиля. По завершении мы продолжили свой путь в Базель, на главном вокзале которого водитель меня высадил. Я заплатил заранее оговоренную сумму (25 французских франков) и сразу же отправился в отель «Готхард [т.е. Готтхард] Терминус». Было почти 16 часов. Веземана еще не было. Около часа я гулял по городу, купил в табачной лавке план Базеля и примерно в 16.45 снова был в отеле «Готхард». Поскольку Веземан еще не вернулся, и мне сказали, что, возможно, он появится около 18 часов, я оставил записку и предупредил, что появлюсь к этому времени. В промежутке я навестил своего хорошего знакомого, господина Вильгельма Герцога, который тогда проживал на улице Штайнграбен. Я пробыл у него около 20 минут до 17.30, а затем снова вернулся в отель «Готхард». Веземана все еще не было, и потому я сел в ресторане и попросил сообщить об этом Веземану, когда он прибудет. К тому времени, когда он появился, было уже больше 18

часов. Он извинился за то, что заставил меня ждать, и сослался на то, что неправильно понял меня во время телефонного разговора. Он ожидал моего прибытия в 12 часов дня, в то время как я говорил, что в 12 часов сяду на поезд, отправляющийся из Страсбурга. Затем Веземан еще раз кратко сориентировал меня относительно МАТТЕРНА, при этом он повторил исключительно то же самое, о чем говорил мне в Страсбурге неделю назад. Тогда он сказал, что надеется встретить Маттерна в его любимом заведении - ресторане, в названии которого есть слово «золотой» или «золотое». Теперь же он сообщил, что ему это удалось, и сегодня мы встретимся с Маттерном, но в другом заведении, которое находится рядом с его квартирой на улице, название которой он, между прочим, упомянул, но мне не удалось сохранить его в памяти. Ресторан носил название «Цум шифен Эк» (*Zum schiefen Eck*).

Веземан еще упомянул, что еще окончательно не договорился с Маттерном о стоимости паспорта, но, тем не менее, он думает, что все пройдет гладко. Он также поднял вопрос о том, что после приобретения паспортов нам следует как можно быстрее отправиться в Англию. В Лондоне, по его словам, все было уже готово. Лучше всего было бы, если бы я смог без промедления отправиться с ним в Париж, а оттуда в Лондон. Я сказал ему, что на понедельник 11 марта у меня намечено одно неотложное дело в Страсбурге, но уже на следующий день я смогу отправиться в путь. Пользуясь случаем, Веземан дал мне 5 английских банкнот достоинством 1 фунт. Еще 5 фунтов или эквивалентную сумму я должен был получить вечером, после того, как он разменяет купюру большего номинала. После этого мы говорили исключительно о политических планах, связанных с английским изданием [УЗД] (*листочка, издававшаяся Бертольдом Якобом-Соломоном, главной темой которой было наращивание Германией своего военного потенциала – прим. переводчика*). И при этом Веземан снова повторил то, о чем говорил неделю назад в Страсбурге: мы должны все завершить в течение марта, даже до середины марта, а не то весь проект ожидает провал.

Затем мы быстро засобирались. Веземан взглядом показал мне, что пора выходить. Во время путешествия по городу я полагался на его

руководство. По его словам, он хорошо знал Базель. В пути наш разговор касался тех же тем, что обсуждались в ресторане отеля. Я припоминаю, что обсуждал с Веземаном возможность попасть на прием к Джорджу Ллойдю. Мы прошли мимо ратуши и вскоре оказались напротив нового здания почты. Здесь Веземану пришлось сражаться со своими подвязками для носков. Я тактично отвернулся и принялся разглядывать витрину магазина стеклянных и керамических изделий. Позже у меня возникло подозрение, что на этом месте Веземан мог подать кому-то сигнал. По пути Веземан неожиданно, без всякой на то причины, заявил, что «мы неплохо заработаем». «Для Вас ведь это тоже является самым главным?», - добавил он. Я был шокирован вопросом и ответил довольно резко. Веземан поспешил свести все к шутке и заявил, что для него на первом месте, конечно же, тоже стоит политическое влияние. В конце он также добавил, что мои знания о немецком вооружении до сих пор так и не были оценены по достоинству. Возможно, эта мысль всегда стояла у него во главе угла, и ей он руководствовался, когда пытался привлечь внимание к «УЗД» в Англии.

За этими разговорами мы пересекли мост «Рейнбрюкке». Веземан предложил сделать остановку в одном из известных ему заведений и выпить кофе. Но я заявил, что проголодался и предложил отправиться на прямую в ресторан «Цум шифен Эк», в котором, как ранее говорил Веземан, предлагают полноценное меню. На одном из больших перекрестков Веземан несколько раз оглянулся вокруг себя, будто не зная точно, каким путем мы должны пойти. Я обратил его внимание на то, что мы стояли как раз напротив «Цум шифен Эк». Мы зашли в заведение. На первом этаже все места были заняты; мы поднялись на второй и заняли место за столиком у внешней стены, где было относительно пусто. Я заказал еду, Веземан только пил пиво. Когда мы зашли в ресторан, было без четверти семь. Едва я покончил с едой, как появился господин МАТТЕРН. Мое внимание привлек его грушевидный череп, лысина на котором казалась приплюснутой. Веземан немедленно вовлек его в разговор, принялся подшучивать над ним и пояснил в своей уже знакомой мне манере, что Маттерн специализируется на продаже лесов, которые ему не принадлежат.

Маттерн говорил на диалекте, который я принял за швейцарско-немецкий. По его словам, он только что прибыл из Цюриха, где понес серьезные финансовые убытки (полагаю, он говорил о процессе). Неожиданно он положил перед собой два или три бланка немецких паспортов так, что они оставались скрытыми от взглядов с соседних столиков. Веземан принял испуганный вид и произнес что-то вроде: «Оставьте же это [нечитаемое слово] здесь...». Потом Маттерн спросил меня, есть ли у меня с собой фотографии для паспорта. Я протянул ему фотографию жены и собственную, он разглядывал их и, казалось, был не очень доволен, но потом сказал, что они сгодятся. Он попросил сообщить личные данные и т.д. Я сообщил о своем желании получить паспорт с датой выдачи незадолго до того, как я был лишен гражданства - 23 августа 1933 года. Подумав, Маттерн сказал: «Да, тогда нам придется использовать старую печать...». Из его ответа на вопрос Веземана стало понятно, что он имеет в виду печать, на которой имперский орел еще не носит свастику на нагрудном щите. Затем Веземан и Маттерн вели разговор исключительно друг с другом о цене, которую придется заплатить за паспорт. Когда Маттерн один раз обратился ко мне, и я переадресовал его вопрос Веземану, который должен был платить.

Между тем, Маттерн заказывал напитки один за другим, и сам же налегал на них с наибольшим рвением. Мне пришлось ненадолго выйти из-за стола, чтобы найти туалетную комнату. Вернувшись, я обнаружил, что эти двое все еще увлеченно торгуются о цене. Когда Веземан, наконец, объявил окончательную цену (я полагаю, 1300 франков) и при этом потребовал, чтобы в нее входило занесение в паспорт персональных данных моей жены, Маттерн было поднес к виску указательный палец правой руки, но уступил после того, Веземан намекнул, что откажется от сделки, если Маттерн потребует слишком высокую цену. Потом Маттерн сказал, что мы могли бы пойти к нему в квартиру, которая находится в паре шагов отсюда. Он говорил, что там мы получим еще красного вина и сыра. Я уже не помню, с чем были связаны эти его слова. До этого в ответ на вопрос Маттерна о том, какие визы должны стоять в паспорте, я попросил не ставить вообще никаких виз и сказал, что надеюсь получить французскую визу

законным путем. Насколько мне помнится, на это Маттерн ответил, что так, разумеется, было бы несравнимо лучше.

Затем мы покинули ресторан. Думаю, что было чуть больше половины восьмого. Помню, что у меня возникли трудности с надеванием пальто, и официантка помогала мне. При выходе на улицу я почувствовал, что мое сознание помутилось, и споткнулся. Отчетливо помню, как Веземан подхватил меня под руку и поднял. Он шел впереди, в то время как мы с Маттерном следовали за ним, и тот, как мне помнится, повторил, что осталось пройти всего пару шагов. Я отпрянул, когда увидел, что Веземан стоит рядом с автомобилем с кузовом купе. Позднее я долго пытался вспомнить, увидел ли я Веземана рядом с закрытым или открытым автомобилем. Теперь я уже не могу сказать точно, как я вообще в тот момент начал терять сознание. То, что увидев стоящего у автомобиля Веземана, я в тот же миг посмотрел на номер, который запечатлелся в моей памяти как + B.S. 9512 (+ B.S. 9521?), я могу назвать не иначе как рефлексом. Я не помню поездку в автомобиле и также не помню, как я в нем оказался. Я пришел в себя, когда автомобиль с резким толчком остановился, и я услышал крик, в котором мне послышались слова «уличный контроль», и увидел мужчину в униформе, который размахивал чем-то, что я принял за красный флажок. Я силился понять, что происходит, когда левая дверца автомобиля приоткрылась, и в проеме появилась скрытая под шляпой голова человека в штатском с требованием: «Ваши паспорта, пожалуйста». Тут я осознал, что это не «уличный контроль» (поначалу я не осознал всю абсурдность своего предположения и думал, что мы попали в уличную пробку), а пограничный контроль. Тут я узнал в форменной фуражке одетого в униформу человека в униформе немецкого обмундирования, и в тоже мгновение мне все стало ясно. Я заметил, что нахожусь на заднем сидении автомобиля рядом с Маттерном, а Веземан сидит перед Маттерном рядом с шофером. Протягивая свои документы человеку в штатском, он шепнул шоферу: «Документы на машину в порядке», и сидевший за рулем мужчина в шоферской фуражке в ответ на это кивнул головой. Маттерн вел себя очень грубо, снова и снова выкрикивал, по-видимому, в крайнем волнении: «Но это должно быть какая-то ошибка. Мы все

не хотим в Германию». Наконец, служащий в штатском без нареканий вернул паспорта моих спутников и потребовал мои документы. Я протянул ему свой паспорт, в который, как и при пересечении границы в Сен-Луи, были вложены другие документы. Бросив беглый взгляд на первую страницу, он вернул его мне со словами: «Здесь что-то не так». После этого он велел шоферу медленно ехать вперед, следуя его указаниям, а сам вскочил на подножку слева от шоферской двери, в то время как человек в униформе занял место справа. Оба вынули пистолеты, под дулами которых автомобиль медленно проехал еще немного вперед, повернул вправо, как мне показалось, на дорогу поменьше, и через небольшой промежуток времени, который я не могу точно оценить, но определенно не более, чем через четверть часа, остановился перед одиноко стоящим зданием, выкрашенным в светлый цвет. Веземан и шофер вышли из машины, каждый со своей стороны. Меня же с усилием вытащили со стороны шоферского сидения, при этом чья-то рука схватила меня за воротник, в то время как Веземан и Маттерн стояли свободно, и на них не обращали особого внимания. Веземан смог подойти ко мне и прошептать так, что мои конвоиры, конечно же, не могли не услышать: «Спокойно, Якоб. Не выдавайте себя. Это ошибка. Скоро мы поедем дальше». В этот момент роль Веземана стала мне окончательно ясна, и я отвечал лишь: «Да, да». Меня одного завели в помещение, в котором за столом перед телефоном сидел служащий. Остальные остались в вестибюле, и можно было более-менее слышать их разговор, в котором снова и снова выделялся голос Маттерна. Мне не удалось понять, о чем они говорили, так как все мое внимание теперь занимал служащий, напротив которого я стоял. Он спросил меня: «Кто Вы?». Я протянул свой паспорт. Служащий в штатском, который сопровождал нас на шоссе, стремительно подошел ко мне и с невероятной быстротой опустошил мою сумку. Сидевший за столом сотрудник, которого называли комиссаром, уверенно схватил экземпляр «УЗД», датированный 9 марта 1935 года, и, едва взглянув на содержание, произнес, продемонстрировав удивительное понимание характера листовки: «Против Германии, да, господин Якоб?». Я возразил, что правительство Германии – это не Германия. Тут появился еще один

служащий с двумя или тремя бланками немецких паспортов, которые недавно показывал Маттерн, и доложил комиссару: «Мы нашли это у Маттерна». Вошли четвертый и пятый служащие, сообщившие, что Маттерн уже давно находится в розыске. Из паспорта, лежавшего поверх остальных, будто случайно, выпали обе фотографии. Комиссар поднял их, рассмотрел и сказал: «Это Вы». Он продолжил: «Как снимки оказались в паспорте? Он подлинный и был украден». Я пожал плечами и ответил: «Пожалуй, вам это известно лучше, чем мне». Собственно допрос так и не состоялся. Комиссар ограничился вопросами о моих семейных отношениях. Я пытался добиться от него разрешения дать телеграмму моей жене, и, в конце концов, он дал на это согласие. Затем появился третий служащий и сообщил, что Маттерн ведет себя буйно, и его никак не удастся утихомирить. «В подвал!», - распорядился комиссар. Сразу после этого в коридоре был слышен оживленный шум голосов. Был ли среди них голос Веземана, мне различить не удалось. Впоследствии я полагал, что слышал его, но сейчас уже не могу утверждать это с уверенностью. Сразу после этого появился служащий в форменной одежде, как мне показалось, это был тот самый человек в униформе, который сопровождал нас на шоссе. Он стал докладывать, будто в состоянии крайнего волнения, взяв под козырек, глотая слова и запинаясь: «Господин Комиссар, я подстрелил (!) того, большого, высокого. Он пытался через окно, я пытался задержать. Он лежит там...». Комиссар подпер голову обеими руками и повернулся вполборота ко мне, так что я не мог видеть его черты его лица. После секундной паузы он выдавил из себя: «О господи...». Сделав еще одну паузу, он продолжал, не изменив своей позы: «Звоните врачу и прокурору». Служащий сдвинул пятки и вышел. Я спросил: «Веземан?». Затем у меня вырвалось: «Ну, меня Вы точно не пристрелите. Меня ведь ждут в Берлине». Он ответил утвердительно на мой вопрос о Веземане и стал расспрашивать меня, была ли у того семья и т.д. Тут снаружи до меня донесся шум работающего двигателя. В этот момент я осознал, что не слышал выстрелов. Тем не менее, подумал я, возможно двигатель запустили, чтобы перекрыть шум, чему есть много известных примеров. Спустя некоторое время комиссар, который между тем описывал изъятые у меня вещи, вышел из

комнаты, позвав служащего, который заходил до этого: «Побудьте здесь. Я осмотрю тело». До сих пор никто говорил о том, в каком состоянии был Веземан после того, как в него стреляли. Я встал с места и попросил у комиссара разрешение сопровождать его. Он явно смутился и спросил меня, стоя уже в дверях, о причинах моего желания. Я ответил, что Веземен все-таки был моим старым знакомым. В ответ он сказал: «Я спрошу». Невыполнение этого желания заронило в меня первое зерно сомнения в правдивости спектакля, разыгравшегося перед моими ушами и глазами. Я быстро прокрутил в уме ситуацию. Было много аргументов в пользу того, что ГЕСТАПО, в руках которого я оказался, действительно могло покончить с Веземаном. С их точки зрения, этот человек теперь был бесполезен, но мог представлять серьезную угрозу для дальнейших действий. Что до меня, то устранение Веземана должно было убить во мне всякую надежду. Мне было ясно, что именно эту мысль до меня настойчиво хотят донести. Вернувшись, комиссар повернулся ко мне и сказал: «Из Берлина по телефону распорядились доставить Вас туда этой же ночью». Через несколько часов меня в сопровождении трех служащих поместили в автомобиль и повезли, как я полагаю, в сторону Мюльхайма, где посадили в скорый поезд Базель-Берлин.

Во время поездки я при случае еще раз спросил обоих сотрудников ГЕСТАПО о Веземане: «Он действительно мертв?». Врать у них получалось плохо: «Да, он лежал там и больше не издал ни единого звука...».

10 марта после 15.00 я помещен под полицейский арест ГЕСПАТО в штаб-квартире по адресу Принц-Альбрехтштрассе, 8, в Берлине. Утром следующего дня, в понедельник 11 марта около 9 часов, в мою камеру нанесли визит четыре человека. Первым зашел господин в черном костюме, очках в черной роговой оправе, с волосами, подстриженными на прусский манер, и четко очерченным пробором. Прямо за ним следовал великан ростом более 1,90 м, облаченный в штатское, в котором я сразу же узнал группенфюрера ГЕЙДРИХА¹⁶⁷. За ним - третий мужчина в неизвестной мне униформе: темно-синий сюртук с обшитыми коричневым кантом обшлагами и орденом огромного размера с левой стороны на уровне желудка. На

следующий день, когда он надел гражданскую одежду и нацепил очки в черной стальной оправе, я с уверенностью признал в нем полковника *Николаи*¹⁶⁸, бывшего начальника разведывательной службы Людендорфа¹⁶⁹. Четвертый был и так остался мне безразличен. Первый мужчина, которым, как оказалось впоследствии, был комиссар уголовной полиции доктор ПАЧОВСКИЙ¹⁷⁰, схватил за петлю для пуговицы на лацкане моего пиджака и сказал: «Соломон, с завтрашнего дня я приступлю к Вашему допросу. Надеюсь на Ваше благоразумие. Вы ведь понимаете, что игра окончена. Улучшить свое положение Вы можете, лишь выложив все на чистоту. Вы ведь итак уже сделали признание в Лёррахе».

Гейдрих в непринужденной манере выразил свое удовлетворение тем, что я наконец-то оказался в его руках, и «из лучших побуждений» посоветовал мне отказаться от «бессмысленных уверток». На этом все закончилось. Затем моему надзирателю был дан ряд указаний относительно моих наручников, которые с меня ненадолго сняли на следующий день, но потом все равно заставили носить следующей 16 ночей, якобы для того, чтобы я не наложил на себя руки.

12 марта доктор Пачовский впервые допросил меня лично. Второй допрос состоялся в четверг 14 марта. Их основной темой были два последних номера «УЗД», содержавших, главным образом, новости военной тематики. Во время первого допроса Пачовский спрашивал меня о деятельности Веземана в Лондоне. При этом он сказал: «Из Лёрраха мне сообщили, что другая свинья – Веземан, к несчастью, протянула ноги. Так что теперь мы уже никогда не узнаем, чем он занимался в Лондоне. Должно быть, тем же самым, чем Вы в Страсбурге...».

Во время третьего допроса в субботу 16 марта были предъявлены вещи, изъятые у меня в Лёррахе. Предметом допроса стала моя записная книжка в голубой картонной обложке, в которой были записаны адреса моих многочисленных знакомых, среди которых было только семь или восемь немцев. Я заявил, что хочу предоставить сведения об этих адресах. Для занесения протокол я сообщил очень подробные данные четырех родственников моей жены, с которыми,

разумеется, не состоял ни в каких отношениях по политическим мотивам, равно как и с упомянутыми в записной книжке ШЕЙЕРМАНОМ, КИАУЛЕНОМ и КЕМПНЕРОМ,¹⁷¹ которых временно арестовали. Пачовский провел опознания и в двух случаях отметил, что мои показания полностью сошлись с показаниями временно задержанных. В целом, он искал моих сообщников и осведомителей в других, более высоких кругах. Он с гневом говорил, что моя информация, даже если и содержала случайные ошибки, в целом все равно настолько соответствовала действительности, что единственным возможным объяснением может быть лишь то, что я получал ее напрямую из министерства рейхсвера. Несколько раз я пытался обстоятельно объяснить ему, как и какими методами собираю определенную военную информацию из немецких газет. Сначала эти заявления отвергались с язвительной усмешкой, но когда несколько экспериментов в мельчайших подробностях доказали, что мои показания правдивы, он, скрипя зубами, был вынужден признать, что многие вещи я узнавал с нуля.

Во время второго или третьего допроса Пачовский заявил с нескрываемым триумфом в голосе: «Четыре раза Вам удалось вытащить лапы из капкана. Но в пятый раз удача будет не на Вашей стороне».

Гейдрих во время второго допроса прочел мне лекцию, по его словам, «как юрист» (хотя он был морским офицером), суть которой сводилась к тому, что согласно новому немецкому законодательству речь в моем случае может идти только о смертном приговоре или пожизненном заключении при наличии смягчающих обстоятельств. Ввиду моего преступного упорства имперский прокурор определенно будет настаивать на непризнании смягчающих обстоятельств. Если же я сейчас облегчу работу ГЕСТАПО, то, возможно, смогу спасти свою голову.

Была и трогательная заключительная речь на тему того, что теперь моими единственными друзьями были руководители ГЕСТАПО.

Пачовский бросал на меня проницательные взгляды и непрестанно уверял, что скоро я стану «вот таааким маленьким». Во время этого третьего допроса я опроверг предположения о своих

«тайных покровителях в Германии» и заявил, что никогда не имел таковых. Тогда я потребовал предоставить адвоката, прежде чем делать дальнейшие заявления. Гейдрих с ехидством пояснил, что все это еврейское крючкотворство осталось в прошлом. В конце концов, оба, Гейдрих и Пачовский, заявили, что дадут мне еще немного времени на размышления, чтобы я имел возможность обдумать свое положение. Но после этого они ожидают от меня полного признания вины. Гейдрих сказал: «Якоб, Вы же знаете, что мы отправляем людей на эшафот».

На десять дней допросы прекратились. 23 марта я узнал, что Веземан был арестован в Швейцарии. Поздним вечером во вторник 26 марта меня снова отвели на допрос. Кроме Пачовского присутствовал еще один сотрудник ГЕСТАПО, о котором, как я полагаю, говорили как об «асессоре». Его имя, в отличие от Пачовского, ни разу не называлось. Я знал этого человека в лицо, потому что дважды видел его в Страсбурге при различных обстоятельствах. Встретив его однажды в вагоне трамвайной линии номер 15 в предместье Кроненбург, я был поражен видом его явно нацистской физиономией и спросил своего друга и коллегу ГЕККЕРА¹⁷² из газеты *La République*, кто из известных сторонников автономии проживает в Кроненбурге. Этот четвертый допрос вращался главным образом вокруг листка с именем ВИСЛЕР, которое принадлежало специальному комиссару страсбургской полиции, занимавшемуся делами иностранцев. 6 или 8 марта я был приглашен к Вислеру, который тогда только заступил в должность, и записал его адрес, поскольку он выразил желание регулярно получать «УЗД». После того, как я сообщил эту информацию о Вислере, Пачовский повернулся к стоящему рядом с ним незнакомцу, который до сих пор ни разу не повернулся ко мне лицом, и в полголоса спросил его: «Это может быть правдой?». Второй пожал плечами. Меня быстро вывели, и свою камеру я больше не возвращался. В сопровождении трех сотрудников ГЕСТАПО меня отвезли в концентрационный лагерь «КОЛУМБИЯ-ХАУС» в берлинском районе Темпельхоф. Сотрудники позаботились о том, чтобы я до конца осознал характер этой поездки. Один из них сказал: «Спешите

наглядеться на солнце. Больше Вы его не увидите». Второй спросил меня, все ли я успел сказать напоследок.

По прибытии меня ожидал соответствующий прием.

29 марта меня впервые снова отвезли из лагеря Колумбия-Хаус на допрос в штаб-квартиру ГЕСТАПО. В этот раз меня допрашивал неизвестный сотрудник. Речь шла об обстоятельствах моей поездки в Базель. Я дал правдивые показания, которые его совершенно не удовлетворили. Он хотел любой ценой заставить меня изменить показания в том ключе, что мной было допущено нарушение границы Швейцарии.

3, 4 и 5 апреля состоялись новые допросы под руководством комиссара Пачовского, первые два из которых касались содержания номеров «УЗД», которые, как мне еще 15 или 16 марта сообщил Пачовский, поступили в Берлин. При этом еще целый ряд номеров отсутствовал. Пачовский пояснил, что их тоже скоро доставят. Во время допроса 4 марта Пачовский, выйдя из себя из-за моих «отпирательств», вылетел из комнаты и спустя долгое время вернулся с Гейдрихом, державшим под мышкой документы из дела. Гейдрих сообщил, что теперь меня будет допрашивать он, и речь пойдет о публикации меморандума бывшего министр рейхсвера ГРЁНЕРА, датированного декабрем 1928 года, о строительстве броненосцев. Я, со своей стороны, передал этот меморандум своему другу и политическому соратнику профессору ФЁРСТЕРУ для публикации за границей. Перехватив тогдашнее письмо Фёрстера, ГЕСТАПО вышло на след. У меня не было оснований опровергать факты. Гейдрих с нетерпением дождался, пока под мою диктовку будет составлен протокол, и затем поспешно ушел с ним. Спустя полчаса из фразы, произнесенной в телефонном разговоре, я узнал, что «группенфюрер находится у фюрера». На следующий день (5 апреля) появился сотрудник управления контрразведки сухопутных войск, который занес в протокол те же самые обстоятельства дела.

В воскресенье 7 апреля «подбивали остатки», что означает следующее: Пачовский допросил меня по поводу «УЗД» и писем Веземану, а затем сообщил, что предварительное расследование завершено.

В четверг 9 апреля меня снова доставили на допрос в ГЕСТАПО. Пачовский отвел меня к другому сотруднику, сидевшему в комнате, которая была наспех подготовлена для допроса, а обыкновенно служила комнатой отдыха для охранников из команды СС. Этот сотрудник явно не был членом политической полиции, а работал, скорее всего, в МИД или имперском министерстве юстиции. Я был допрошен об обстоятельствах, при которых произошло мое похищение. Я рассказал все в точности, умолчав лишь о том, что успел заметить номер автомобиля.

Служащий отказывался верить моим заявлениям о том, что я был чем-то одурманен. Он утверждал, что разбирается в наркотических веществах, и, по его словам, не существует средства, которое действовало бы так быстро. На это я ответил ему, что могу лишь описать эффект и, само собой, не могу дать никаких показаний о процессе наркотического опьянения. Он продолжал утверждать, что я, возможно, слишком много выпил. Потом он долго расспрашивал меня о том, испытывал ли я когда-либо в прошлом проблемы с нарушением моторики. Он пытался подвести к тому, что ему известны случаи, когда люди, обычно нормально переносившие большие дозы алкоголя, иногда вдруг «расклеивались» под воздействием совсем незначительных доз. Наконец, он спросил меня прямо в лоб, знаю ли я номер автомобиля. Я категорически это отрицал, потому что полагал, что в случае признания моя жизнь окажется под угрозой. Обстоятельства этого допроса убедили меня в том, что он является подготовительной работой для предоставления ответа на швейцарский запрос о моей выдаче. На этот шаг Швейцарии я рассчитывал с 23 марта. Должен сказать, что серьезным препятствием для осуществления данного шага, несомненно, являлось опасение Гейдриха и Пачовского, что во время допросов я мог слишком много узнать об их методах работы. Интуиция подсказывала мне, что многое в этом вопросе вертится также вокруг опознавательных знаков автомобиля, про которые я тогда не знал, что они уже известны в Базеле. Я решил, что этот пункт является ключевым, а потому упорно все отрицал во время перекрестного допроса, который длился почти полчаса. Один раз следователь оговорился, сказав: «Однако

сотрудники сообщили, что Вы видели номер». На это я ответил: «Но ведь сотрудники вытаскивали меня из машины головой вперед». Он тут же понял свою ошибку и явно обрадовался, что я будто не заметил ее.

Из логики разговора явственно следовало, что он имел в виду момент, когда меня усаживали в автомобиль. А я начал говорить о том, как меня выводили из машины, будто бы решил, что речь идет именно об этом, из-за слова «сотрудники». Тогда следователь спросил меня, мог ли я обойти вокруг машины и увидеть номер. Я возразил, что сразу после выхода из автомобиля меня схватила за шиворот и повели в пограничный комиссариат, так что у меня не было никакой возможности произвести такие действия. Через несколько минут следователь прервал допрос и целый час отсутствовал, вернувшись лишь на пару минут, чтобы что-то взять и снова уйти. Когда он, наконец, возвратился, наступило время обеда. Он сказал, что допрос будет продолжен во второй половине дня и заставил меня подписать фрагмент протокола. Этот допрос так никогда и не был продолжен, и через несколько часов ожидания в камере ГЕСТАПО меня отвезли обратно в «Колумбия-Хаус».

На этом допросы в рамках предварительного следствия были завершены. Последовавшие за этим допросы под руководством следователя Народной судебной палаты, председателя ландгерихта ЦИММЕРА¹⁷³ были лишь повторением предварительного следствия и не открыли ничего нового. При этом мне пришлось просматривать старые подшивки газет и журналов, сотрудником которых я был, и при этом в «Вельт ам монтаг» я снова обнаружил многочисленные пацифистские статьи, написанные Веземаном.

Дополнение [...]о моем отношении к ВЕЗЕМАНУ

В июне 1934 года, незадолго до того как Веземан сблизился со мной, я написал своему лондонскому другу, господину Отто ЛЕМАНУ-РУССБЮЛЬДТУ, бывшему руководителю Немецкой лиги прав человека, про которого я знал, что он знаком с Веземаном. Я сообщил ему, что Веземан предложил публикацию моих работ в британской прессе и

попросил его сообщить, что ему известно деятельности Веземана в Лондоне.

Леман-Руссбюльдт вскоре ответил на мой запрос следующее: по его словам, Веземан часто бывал у него и делал аналогичные предложения. Однако опыт Лемана оказался печальным. Он описал Веземана как ненадежного человека, особенно в денежном вопросе. Он, Леман-Руссбюльдт, так и не получил от него не получил никакой прибыли. Веземан также просил разрешения отдать в печать рукопись книги Лемана. Однако с публикацией ничего не вышло, и Леману пришлось разыскивать издателя и, в конце концов, предпринять юридические шаги возврата дорогой для него рукописи.

Я рассказал Веземану о претензиях Лемана, дабы подтолкнуть его к тому, чтобы он сообщил мне свою точку зрения. Веземан ответил мне таким образом, что я поверил, что имел место один из тех случаев недопонимания, которые часто возникают между писателями. По поводу рукописи книги у него также было объяснение, которое показалось мне правдоподобным. Он заявил, что рукопись представляла собой лишь доработанное издание книги Лемана (я думаю, он имел в виду «Кровавый интернационал»), которая ранее выходила в Германии, и потому издательство, о котором шла речь, не согласилось издавать книгу. Тогда я не стал сообщать Леману эту информацию, вероятно, из опасения обидеть или задеть его.

Я не считал значимыми предостережения Лемана, которые, как я думаю, дословно звучали так: «Вы никогда не получите от Веземана свой гонорар» (точную формулировку предостережения я смогу восстановить, так как письмо Лемана должно обнаружиться среди моей корреспонденции). В конце концов, сказал я себе, я почти ничего не потеряю, поскольку не собираюсь доверять Веземану никаких ценных рукописей, а допущу его лишь к своим листовкам, которые итак отправляю некоторым знакомым, не получая за этот гонорар. Если бы Веземан перестал оплачивать подписку, то я бы просто не стал больше ничего ему отправлять.

Мой дальнейший опыт вскоре показал, что в этом отношении неудачный опыт Лемана-Руссбюльдта у меня не повторился.

Никаких иных предостережений, в том числе, политического толка, Леман не высказывал, а это было единственным, что могло удержать меня от связи с Веземаном.

Я приложу письмо Лемана к актам, когда найду его. Важно будет также при случае выяснить у него название издательства, в котором при посредничестве Веземана оказалась его рукопись. Возможно, благодаря этому выяснятся новые детали, с помощью которых удастся установить, когда именно Веземан поступил на службу в ГЕСТАПО.

Бертольд Якоб-Соломон